

Редакция «Коммерсантъ. Стил» публикует отрывок эссе «Шанель, новая женщина как денди», которое специально к открытию выставки написала профессор истории и теории моды Кэролайн Эванс.

«Ипподром где-то на юге Франции, год 1907-й или 1908-й. Габриэль Шанель около 25, и выглядит она шикарно и спортивно одновременно: мужское пальто, белый воротник, галстук и соломенная шляпа, которую она сама смастерила. По-мужски непринужденная поза — руки в карманах пальто, бинокль на ремешке через плечо. Во времена, когда женщины всячески демонстрировали модными нарядами свою социальную и экономическую зависимость от мужчин, явиться в таком виде на скачки было верхом дерзости. Шанель не была похожа ни на одну из присутствовавших дам, по чьим сложным нарядам и богато декорированным шляпкам можно было определить, какую роль в их жизни играл сопровождавший их мужчина — был он мужем, любовником или отцом. Шанель же в те времена состояла в свободных отношениях и отделяла себя от женского сообщества — в первую очередь тем, что носила вещи из мужского гардероба, как будто сохраняя социальное инкогнито: галстук принадлежал ее возлюбленному Этьену Бальзану, а пальто — другу, барону Фою. “До того как стать брендом, Шанель была авантюристкой”, — пишет Лилу Маркан, управляющая домом моделей в последние годы жизни Мадемуазель. В свои 20, а может, и раньше Шанель придумала особый вид дендизма, социального маскарада, от которого никогда не отказывалась: это была возможность казаться той, кем она на самом деле не являлась, но при этом не быть той, кем она казалась. Эллен Моэрс

(писательница, совершившая первую попытку исследования женской литературы отдельно от мужской. — “Коммерсантъ. Стил») описывала, как в конце XIX — начале XX века денди проложили путь “новой женщине” — женщине с сигаретой, на велосипеде и с собственным мнением впридачу. И все же между этими двумя образами существовала преемственность. Шанель с ее социальной мобильностью и щегольством во многом походила на английского денди Джорджа Браммела, который использовал свою элегантность, остроумие и определенную степень бравады, чтобы войти в те круги общества, к которым он не принадлежал по рождению. Писатель Жюль Барбе д’Оревилю в своем небольшом трактате, посвященном Браммелу (трактат был опубликован в 1861 году. — “Коммерсантъ. Стил»), пишет о фундаментальной гендерной неопределенности денди — описание, которое справедливо применить и к той манере, с которой Шанель входила во французское общество полвека спустя. Барбе д’Оревилю употребляет термин “гермафродиты истории” и пишет о “двойственной и даже множественной природе и неясной интеллектуальной гендерной принадлежности”. Но дендизм Шанель ни в коем случае нельзя сравнивать с трансвестизмом — это будет абсолютно неверное толкование фактов: важно не то, что Шанель носила мужские вещи, а то, что она понимала, насколько современными они были, и то, что на протяжении всей жизни она развенчивала стереотипы и меняла гендерную принадлежность каждого предмета гардероба и ставила под сомнение фундаментальную природу мужественности и женственности. Как и Шанель, первые писатели, рассуждавшие о дендизме, всерьез задумывались о вопросах гендера, Моэрс напоминает нам, что Барбе д’Оревилю возвел дендизм на уровень интеллектуальной позиции. А для Шанель это была позиция профессионала, работавшего в эпоху модернизма. После Второй мировой войны она объясняла писателю Полю Морану, почему оделась на скачки именно так: “Паддок до 1914 года! Я тогда и понятия не имела, что, посещая скачки, наблюдаю смерть роскоши, смерть XIX века, конец эпохи. ... Поэтому я и родилась, поэтому я так долго просуществовала, потому и наряд, который я надела в 1913-м, можно и сейчас носить — в 1946-м, потому что новые социальные условия все еще напоминают те, которые заставили меня надеть все это”. Шанель дожила до риторики и полемики в моде. Когда-то, до 1914 года, она увидела на ипподроме женщину с железной рукой и нашла это в высшей степени элегантным. Протез может быть очень элегантным аксессуаром для постоянно развивающейся и меняющейся личности, заключила она... А вот еще одна фотография, 1925 года, здесь Шанель на яхте Flying Cloud герцога Вестминстерского. И хотя наряд ее тут намного женственнее, поза и короткие волосы выдают в сорокалетней женщине грацию сорванца. Прошло почти двадцать лет после той фотографии на ипподроме; в мире, который изменили войны и революции, Шанель стала успешным дизайнером и видной бизнес-леди. А когда-то она прославилась тем, что сделала для женщин первую спортивную одежду. В 1916 году ее бежевые короткие платья, едва прикрывавшие лодыжку, “покончили с благонравным жестом, которого

ГАБРИЭЛЬ ШАНЕЛЬ
В БИАРРИЦЕ, 1920 ГОД
СОЛОМЕННАЯ ШЛЯПА
С ЧЕРНОЙ САТИНОВОЙ
ЛЕНТОЙ, 1922–1925 ГОДЫ
ФОТО JULIEN T. HAMON

ПРЕДОСТАВЛЕНО CHANEL

наивные мужчины сладострастно ждали — жестом, когда женщины подбирали юбки, поднимаясь по ступенькам. Для женщин это стало завершением определенной эпохи”, писала Эдмонда Шарль-Ру (главный редактор французского Vogue с 1954 по 1966 год. — “Коммерсантъ. Стил»). Шанель была совершенно новой женщиной; женщиной, чья одежда была лишена намеков. Вот тогда-то ее модернизм и пересекся с дендизмом. Журналист и писатель (автор романа “Мадемуазель: Коко Шанель и пульс истории”, 2014 год. — “Коммерсантъ. Стил») Ронда Гарелик утверждает, что фигура Шанель олицетворяла собой переход между такими явлениями в моде, как дендизм XIX века и культ знаменитостей века XX. И хотя крой ее вещей был прост, он скрывал сложность натуры дизайнера и заключал в себе те элементы, которые впоследствии стали фирменным стилем Габриэль — той, которая буквально создала образ современной женщины. И как денди в XIX веке начали носить свои охотничьи наряды на светские приемы, так и Шанель превращала ткани “для бедных” в модные спортивные костюмы для элиты. И вот на этой фотографии на яхте она как раз в той самой одежде, которую носит с присущим ей задором. Она сидит прямо, скрестив ноги, в непринужденной позе. Она часто говорила: “Все суставы тела так или иначе соединены со спиной, поэтому все движения начинаются со спины”. Прав был Барбе д’Оревилю, когда писал, что дендизм — способ жить, а не способ одеваться. Своих моделей Шанель учила двигаться и стоять так же, как она. И клиентам она предлагала не что иное, как собственный стиль и облик. Шанель было недостаточно просто одеть женщину, она хотела сформировать личность, стиль и даже образ мысли; научить ее “идти ровно, подбородок вверх, плечи вперед, бедра развернуты, как у ездики. Научить правильно бегать и сидеть, скрестив ноги”. Как сказал бы Барбе д’Оревилю, “для денди, как и для женщин, казаться значит быть”... .

ПЕРЕВЕЛА С АНГЛИЙСКОГО
НАТЕЛА ПОЦХВЕРИЯ

JULIEN T. HAMON / ПРЕДОСТАВЛЕНО CHANEL

ОБРАЗ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ
«ВЕСНА-ЛЕТО 1927»: ШЕЛК
ЦВЕТА СЛОНОВОЙ КОСТИ.
ФОТО JULIEN T. HAMON

JULIEN T. HAMON / ПРЕДОСТАВЛЕНО CHANEL

ПЛАТЬЕ И НАКИДКА
ИЗ ШЕЛКОВОГО ТРИКОТАЖА,
1922–1928 ГОДЫ
ФОТО JULIEN T. HAMON

